

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

ФЕОФИЛАКТ СИМОКАТТА. ИСТОРИЯ.

Изд-во АН СССР, М., 1957, 224 стр.

Институт истории и Институт славяноведения Академии наук СССР приступили к изданию серии „Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы“ под общей редакцией академика М. Н. Тихомирова.

Первый том серии, вышедший под редакцией члена-корреспондента АН СССР Н. В. Пигулевской, содержит перевод „Истории“ известного византийского историка VII в. Феофилакта Симокатты. Историческое творчество Симокатты — важный рубеж в византийском летописании. Он — последний крупный историк доарабского периода, имевший под руками важнейшие документы конца VI — начала VII в., и доступ к этим документам позволил ему создать произведение, ставшее неоценимым источником для эпохи византино-персидских войн и ранней истории славянских народов. Поняты интерес, вызванный первым переводом труда Феофилакта на русский язык.

Издание состоит из вступительной статьи, текста перевода и примечаний. Статья, принадлежащая перу Н. В. Пигулевской, включает содержательный обзор биографических данных о Феофилакте, рассматривает его политические симпатии, литературные особенности его труда, недостатки и достоинства Симокатты как историка. С особенной обстоятельностью автор статьи характеризует время написания „Истории“ и останавливается на анализе источников, послуживших базой для труда Феофилакта. Н. В. Пигулевская серьезно обосновывает мнение о том, что важнейшим источником Феофилакта для истории событий 582—593 гг. послужил труд Иоанна Епифанийского (стр. 15—18). Однако, как подчеркивает автор предисловия, Феофилакт не следует рабски источнику, а пользуется им вполне свободно, в отдельных случаях дополняет и расширяет его данные. Убедительны выводы Н. В. Пигулевской относительно хронологии Феофилакта, сводка которых дана на стр. 11—13 при перечне книг и глав „Истории“. Тут, к сожалению, не отражены все хронологические отступления, которыми так часто грешит Феофилакт, но тем не менее этот перечень дат представляет прекрасное руководство для всех пользующихся переводом. Безусловно интересны те краткие замечания, которые делает Н. В. Пигулевская, относительно быта персов и характера византино-персидских войн (стр. 18). Эти наблюдения, сделанные опытным глазом знатока восточной истории, очень помогут при общей оценке труда Феофилакта.

Нельзя, однако, не высказать по поводу вступительной статьи и некоторых критических замечаний. Так, политическое кредо Симокатты

определяется лишь в самых общих чертах. Н. В. Пигулевская считает, что он был выразителем взглядов землевладельческой знати, которая получила перевес с воцарением Ираклия, и против этого трудно что-либо возразить. Но нам кажется, что следовало бы поставить вопрос и о том, к какой группировке этого класса принадлежал Симокатта — к прослойке придворной бюрократии или к военной верхушке. Многочисленные высказывания историка по поводу военных событий позволяют, на наш взгляд, предположительно решить этот вопрос: симпатии Феофилакты склоняются на сторону военной верхушки — той самой, которая несколько позднее и выдвинула императора Ираклия. Как уже отмечено выше, Н. В. Пигулевская останавливается на ценных подробностях, сообщаемых Симокаттой относительно быта восточных соседей Византии. Не опасаясь заметно увеличить объем вводной статьи, можно было бы расширить эти указания, пополнив их данными о быте, образе жизни и военных обычаях славян, что было бы очень полезно для изучения соответствующих мест труда Симокатты. Следовало бы остановиться и на такой важной особенности внутренней истории Византии, как организация византийского войска. „История“ Феофилакты, содержащая многочисленные описания военных событий, дает для этого благодарный материал. Здесь представляют интерес упоминания о гелеполах (II, 16₁₀), о применении мешков с соломой для защиты стен (II, 18₃), о катапультах и башнях перед крепостными воротами (II, 18₄₁), о кольчугах — „железных рубашках“, имевшихся на вооружении воинов (VII, 13₁₀), о палочном режиме, царившем в войске (II, 18₂₆), и небоеспособности этого войска (II, 12₂), наконец, о показном демократизме — несомненно каком-то пережитке античных традиций, сохранявшемся в войсках (III, 1₇).

Наконец, последнее замечание в связи со вступительной статьей. Трагедия Софокла, на которую ссылается Симокатта, носит название не „Аяксы“, а „Аякс“ (стр. 10), а слово *παράδοσις* правильнее было бы перевести „я вставляю“ (стр. 17).

Серьезную помощь читателю, работающему с текстом „Истории“, окажет также комментарий, данный в примечаниях, составленных К. А. Осиповой. Сделанные с большой обстоятельностью, они охватывают большинство имен, названий и хронологических указаний, встречающихся в тексте, и построены с учетом новейших работ в этой области. Особое внимание обращено на локализацию географических названий, что, несомненно, значительно облегчает изучение военных походов, описанных Симокаттой, и является безусловным достоинством примечаний.

Тем не менее и в „Примечаниях“ приходится отметить некоторые упущения. Не полностью разрешены хронологические затруднения, порождаемые непоследовательным изложением Феофилакты. Правда, вступительная статья оговаривает, что некоторые части „Истории“ еще ждут хронологического анализа (стр. 11), но комментарий полностью умалчивает о спорной датировке событий. В результате для читателя остается непонятным, почему одни события сопровождаются хронологическими примечаниями, а другие лишены их. Примером этого может служить обстоятельная датировка походов Филиппика против славян и аваров („зима 584 г.“, „весна 585 г.“ — примеч. 57—58 к гл. I) и необъяснимое отсутствие примечаний к таким выражениям Феофилакты: „наступило время зимы“, „весенняя пора вызвала рост трав“, „в том же году“ (II, 10₅₋₈). Есть основания предполагать, что и эти столь неопределенные датировки Феофилакты, все же поддаются уточнению — по крайней мере, в перечне книг и глав вступительной статьи они отнесены к 585—586 гг.

Тем не менее автор комментария отказался дать здесь свое примечание. Осталось без комментария и сообщение о походе Комментиола в Анхиал против славян и аваров, хотя Феофилакт указывает, что этот поход был совершен в то же время, что и поход Ираклия старшего против персов, т. е., если судить по перечню книг и глав, в 586 г.

Другой пример подобных затруднений дает указание Симокаты о том, что патриарх Иоанн Постник умер до („за четыре года“) походов Петра и Приска против славян (VII, 6₁). Явная нелепость этого сообщения заключается в том, что в действительности патриарх Иоанн умер в 595 г., т. е. в том же году, когда были совершены походы Петра и Приска. Совпадение дат смерти патриарха и походов является несомненным, оно подтверждается „Бревиарием“ Никифора и данными самого Феофилакta. Перед нами пример явного хронологического недоразумения, однако читателю приходится самому открывать его. А между тем издатели несколько раз возвращаются к этому вопросу. В примечаниях к этому месту (примеч. 16 к гл. VII) К. А. Осипова приводит мнение Б. Графенауера, считающего, что слова „четыре года“ относятся к ходу всей войны. Н. В. Пигулевская дважды останавливается на этой спорной датировке (стр. 12 и 13). Но в конечном счете оба автора отказываются встать на какую-либо определенную точку зрения, и совсем непонятным остается указание в перечне книг и глав: „Кн. VII, гл. 6. Об Иоанне Постнике (за четыре года „до этого“, т. е. в 591 г.“ — стр. 12).

Как уже отмечалось выше, работа по локализации географических наименований проведена в примечаниях наиболее обстоятельно и подробно. Это, однако, не помешало тому, что многие названия остались необъясненными. Так случилось с названиями Мамбрафон (I, 15₁₄), Фаманон (II, 10₂), „Гилигердон... в местности, называемой Бизая, около города Бендосабор“ (III, 5₂), Фебофон (III, 10₅), Аббарон (IV, 10₄), Анафон (там же), Александряны (V, 7₁₀), Варварикон (V, 13₃), Даоний (VI, 1₂). Иногда из двух названий, упомянутых буквально рядом, одно локализуется, а другое по непонятным причинам нет (ср. реки Бурон и Арзамон — стр. 47, ср. примеч. 61 к стр. 46). И снова становится неясным принцип составления комментария. Если в хронологические примечания были включены и некоторые спорные или трудно определяемые даты, то возникает вопрос, почему этого нельзя было сделать в отношении географических названий. Приходится отметить, что в этом отношении приложенные к книге карты способны только усугубить недоумение читателя. Особенно это относится к карте „Восточные провинции Византии на рубеже VI—VII вв.“, так как на этой карте оказываются совершенно точно (и даже без вопросительных знаков, как на другой карте) обозначенными те пункты, относительно которых автор примечаний отказался высказать свое мнение (такие, как Фебофон, Фаманон возвышенность Изала). Становится ясным, что отсутствие комментария в этих случаях является плодом простого недосмотра или небрежности. Такие промахи тем более досадны, что они способны затушевывать характер тех действительных трудностей, которые возникли при определении многих географических пунктов.

Естественно, что в числе других вопросов, стоявших перед издателями и требовавших обстоятельного научного комментария, стояла и задача выяснить биографические данные о лицах, упомянутых в источнике. Следует признать, что в этом отношении „История“ Симокаты ставит перед комментаторами ряд достаточно трудных задач. Особенно необходимо решение всех вопросов, касающихся личности славянских

вождей, упомянутых Феофилактом (Мусокий, Пирогаст, Ардагаст)¹. Нельзя сказать, что К. А. Осипова полностью уклонилась от решения этой задачи: в некоторых случаях примечания к именам исторических деятелей содержат указания на новейшие исследования (например, о Вараме — примеч. 33 к кн. III, Аристовуле — примеч. 15 к кн. III), однако очень часто комментарий просто отсутствует. Нередко автор примечаний ограничивается тем, что отсылает читателя к имеющейся литературе, не высказывая своей точки зрения; так она поступает, например, комментируя единственное свидетельство о болгаргах („булгарах“), приводимое Феофилактом (VII, 4₁). Известно, что с середины VI в. имя болгар (протоболгар) исчезает со страниц источников. Следовательно, свидетельство Феофилакта, помещаемое под 595 г., является первым упоминанием о протоболгарах после почти полувекового перерыва и, естественно, должно было быть комментировано.

Перевод „Истории“ Феофилакта представляет определенные трудности. Нарочито усложненный синтаксис, обилие иносказательных и аллегорических выражений нередко затемняют мысль историка. Перевод, сделанный проф. С. П. Кондратьевым и отредактированный К. А. Осиповой, в целом удовлетворяет современным требованиям, предъявляемым к переводам древних текстов. Но естественно, что первое издание на русском языке такого объемистого и сложного памятника, как „История“ Феофилакта, не лишено некоторых недостатков. Не везде выдержан единый принцип перевода. Иногда проф. С. П. Кондратьев, следуя за текстом Симокатты, употребляет плохо звучащие по-русски, с трудом воспринимаемые фразы; в других же случаях текст подлинника передается слишком описательно.

Громоздкие предложения с чрезвычайно сложным синтаксисом встречаются довольно часто, нередко и излишние буквализмы. Например, о стратегии Филиппике говорится: „После этого он двинулся к реке Нимфию, *неся с собой славное начало своего командования*“ (Курсив мой. — Я. Л., стр. 43). В подлиннике: *κ... οὐκ ἄδοξα τὰ προαίτια τῆς ἡγεμονίας ἀπενεγκάμενος*. Или на стр. 182 сообщается, что царь Маврикий „велел объявить народу не волноваться (... τοῖς δήμοις ἐδήλου... μὴ ταραττεῖσθαι)“.

Напротив, в других местах переводчик отходит от греческого текста, вставляет от себя слова и выражения, отсутствующие в подлиннике и ненужные для понимания смысла. Вот примеры. Во „Введении“ (стр. 26) Феофилакт говорит о любви людей ко всевозможным чудесным рассказам и в подтверждение этого ссылается на феаков, с большим вниманием слушавших рассказ Одиссея. Феофилакт так объясняет этот исключительный интерес феаков к истории Одиссея: *„λίχρον γὰρ ἀκοή καὶ ἀκόρεστον ἐστιμῆνῃ λόγον παραδόξον“*. Эта лаконичная греческая фраза переводится на русский язык длинным периодом: „С жадностью слушают люди рассказы и никогда не бывают ими сыты, и повесть об этих чудесных и невероятных приключениях была для них как бы роскошным обедом“. Во второй части этого предложения имеются в виду, очевидно, феаки. В греческой же фразе содержится лишь общее суждение. Обращение послов Хосрова к Маврикию *„μὴ κρατεῖτωσιν τύραννοι, ἵνα μὴ μεδέῃς παραδείγματος (IV. 13₁₉)“* переводится следующим образом: „Да не властвуют нигде захватчики, чтобы в таком случае не ссылались на тебя как на

¹ П. Н. Третьяков („Восточнославянские племена“. М., 1953, стр. 193) называет среди них, со ссылкой на Феофилакта Симокатту, некоего Баяна, нанесшего поражение Комментилоу в 599 г. Но в тексте „Истории“ нигде нет свидетельств об этом лице.

пример такого разрешения“. „Такого разрешения“ — вставка переводчика, которая, очевидно, сделана для разъяснения мысли Феофилакта. Но ни о каком разрешении раньше речи не было, и вставка не достигает своей цели. Аналогичных примеров в тексте можно найти немало. Мысль автора в этих случаях передается, конечно, в общем правильно, но нарушается единство стиля перевода.

В отдельных же местах русского текста исчезает оттенок мысли Феофилакта и даже изменяется смысл подлинника. Приведем некоторые примеры. На собрании ромейских воинов один из хилиархов, выступая против стратига и призывая воинов прислушаться к его словам, просит воинов пренебречь „авторитетностью“ стратига: „τὸ ἄξιόπιστιον μικρὸν ἀποπέμφασθε“ (II, 13₄). Объясняя, почему воины должны это сделать, хилиарх продолжает: „ἀξιόπιστία γὰρ αὐτοδυνατόν τί χρήμα, καὶ τὴν ἰσχὺν οὐκ ἐπίκτητον ἔχει, ἀλλ' οἷα πηδάλιον τὸ βούλημα κέκτηται, ὅποι καὶ θέλει τοὺς ἀκούοντας οἰακίζουσα“. (II, 13₅). Перевод этого места обезображен опечатками, делающими совершенно непонятной фразу („это“ вместо „эта“, „служащих“ вместо „слушающих“). В исправленном виде эта фраза должна читаться следующим образом: „Доверие имеет силу само по себе, и сила эта не является откуда-либо приобретенной: поставленная цель пользуется им как рулем и куда хочет, туда и направляет слушающих“. Ἀξιόπιστία переводится словом „доверие“, но доверие — это чувство, питаемое воинами по отношению к стратигу, в то время как ἀξιόπιστία — качество самого стратига; это слово в данном контексте можно было бы перевести „авторитетность“. Феофилакт говорит о том, что ἀξιόπιστία, обладая намерением (τὸ βούλημα) в качестве руля, направляет слушающих, куда ей заблагорассудится. Передавая ἀξιόπιστία словом „доверие“, переводчик вынужден во второй части предложения вводить новое подлежащее, вернее, превращать в подлежащее дополнение τὸ βούλημα. Таким образом, русская фраза приобретает смысл, отличный от подлинника.

В IV книге перс Биндой, говоря о несчастьях народа, которыми сопровождалось внешне благополучное царствование Хормизда, обращается к свергнутому царю: ... καὶ μιᾶς συμφορᾶς πᾶσα κεκοινώνηκε τύχη, ἵνα δυστυχιστάτης αὐτὸς εὐδαιμονίας ἐμφορηθείης ὑπὸ τῶν χρημάτων καταρδωόμενος (IV, 5₁₁), т. е. „Судьба всех объединилась в одном несчастье для того, чтобы ты сам, купаясь в богатстве, преисполнился несчастнейшего благополучия“. Перевод С. П. Кондратьева: „Для того чтобы и ты был исполнен этим несчастным благополучием, затопленный этими богатствами, судьба всех должна объединиться в одном несчастье“. Во-первых, с точки зрения стилистики русского языка в данном случае невозможен причастный оборот „затопленный этими богатствами“; во-вторых, в переводе введена категория долженствования, в то время как речь идет о совершившемся факте. В таком виде предложение лишено смысла. Тот же Биндой упрекает Хормизда, посовествовавшего посадить на трон своего младшего сына вместо старшего: „Ты... постарался обидеть старшего в пользу младшего, чтобы не было отдыха в его беззакониях“, — значит в переводе (стр. 101). У Феофилакта же речь идет о беззакониях Хормизда: «ἵνα μὴ σχοίη ποτέ τὰ τῆς σῆς ἀδικίας ἀνάπαυλαν».

Можно отметить и другие небрежности, искажающие смысл подлинника. Слова „καὶ ἀθετεῖ τὸ τιμώμενον καὶ γεραίρει τὸ χαμιζόμενον“ (IV, 2₁₁) переводятся: „они отвергли то, чему поклонялись, и стали (курсив мой. — Я. Л.) то, что поносили“ (стр. 97). На стр. 105 пропущено отрицание „не“, вследствие чего фраза приобретает противоположный смысл: „Хосров же, рискуя выстроить лагерь...“. В подлиннике „... οὐ θαρρῶν...“ (IV, 9₆). На стр. 63 говорится: „Трусость, сверх всего

прочего, любит прибегать к такому самовосхвалению: ... он будто бы пророк, самостоятельно обучившийся этому искусству, он всегда готов отложить дело, сам внезапно на это решаешь". Вместо местоимения „она“ (трусость), употребляется „он“. Возможно, употреблена местоимение мужского рода, переводчик имел в виду греческое ὁ ὄντος, но в таком виде эта фраза мало понятна.

На стр. 28 предсмертные слова императора Тиверия, отдавшего дочь замуж за назначенного им наследником Маврикия, переводятся следующим образом: „Подкрепив перед вами таким залогом свои слова (τηλικούτω φύσεως ἐνεχύρω θαρρύνων ὑμᾶς) я унесу с собой это утешение в долгий путь моего нового переселения“. Незачем в данном случае вполне ясное греческое выражение „θαρρύνων ὑμᾶς“ переводить „подкрепив свои слова“. Значимое же слово φύσεως остается здесь вообще без перевода. Мешает пониманию смысла также пропуск в переводе слова ἀπολαύσεως в предложении: „До нас дошел слух, будто в этих банях мылись жены кагана и как плату за это просили его не разрушать здания бань“ (стр. 32). Вероятно, переводчик имеет в виду, что жены кагана просили не разрушать бань в качестве платы за то, что они в них моются. Но это бессмысленно. В то же время в подлиннике (I, 4_б) слово „плата“ имеет дополнение (μισθὸς τῆς ἀπολαύσεως — плата за наслаждение).

На стр. 163—164 ромейский полководец Приск обращается к кагану, убеждая его прекратить грабеж города: „ἀόριστον βούλημα οὐ λαμβάνει κράτος ἀσάλευτον“ (VII, 9₃). Выражение ἀόριστον βούλημα (неограниченное желание) передается словами „неопределенное стремление“, что дает повод к неверному толкованию (неясное стремление). Неудачно переведены следующие затем слова Приска „μεθόδευσον τῷ κόρῳ τὸ ἄσχετον“ как „неудержимый свой голод излечи насыщением“ (стр. 164). Эту фразу можно толковать как побуждение к дальнейшим грабегам.

В ряде мест переводчик дает спорный или во всяком случае не единственно возможный перевод текста, нигде не обосновывая своего толкования. Весьма спорным является, например, перевод одной из первых фраз „Диалога истории и философии“: «ὡ φιλοσοφία, πάντων βασιλεία, εἴ γε συμπρέπει ἐμοῦ τε πυνθέσθαι, αὐτὴν δὲ διδάσκεισθαι, ἀποκρινοῦμαι ὡς ἔχω συνέσεως μηδὲν γὰρ ἄγνωστον ἔχοιμι καλόν, ὡς ἐμοίγε καὶ τῷ Κυρηναίῳ δοκεῖ (Dial., 2)». „О Философия, царица всех наук, если уж нужно, чтобы ты задавала вопросы мне, *которой самой скорее надо у тебя учиться* (курсив мой. — Я. Л.), я отвечу тебе, насколько есть у меня разумения: все знать и понимать я считала бы за благо — по крайней мере таково мнение и мое у мудреца из Кирены“ (стр. 23). Αὐτὴν относится здесь к истории, хотя под αὐτὴν скорее надо понимать философию. Более вероятный перевод этого места: „... если уж нужно тебе задавать мне вопросы, самой же быть поучаемой...“. Более естественный перевод конца фразы: „... таково мнение мое и Киренца“ вместо предложенного „таково мнение и мое и мудреца из Кирены“. Слова Феофилакта „οἱ τε ἐπὶ σκηνῆς λοιδορούμενοι οἷς ἂν ἐθέλοιεν“, (I, 10₁₂) передаются: „Артисты сцены, представляя пороки людей, какие им было угодно...“ (стр. 39), хотя вполне возможен и перевод: „Артисты, порицая, кого им было угодно...“. Если бы такое толкование оказалось верным, мы имели бы интересное свидетельство существования личной инвективы в театре того времени.

Встречаются в переводе и отдельные отступления от правил русского словоупотребления и синтаксиса: „повинясь приказанию“ (стр. 119), „приступит к кормилу этой власти“ (стр. 28), „предлагая тебя императором“ (стр. 29), „в виде обнаженных тел императорской семьи“ (стр. 188) и др.

Перевод древнего текста — это одновременно его истолкование. Однако перевод „Истории“ Феофилакта Симокатты почти вовсе лишен филологического комментария, лишь в очень редких случаях приводятся различия рукописей. Нигде в книге даже не указывается издание, с которого сделан перевод, не оговорены поправки издателей.

Не унифицирован в передаче на русский язык термин $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$, переводимый то „дем“, то „дим“ (см. стр. 186 и др.).

В книге много незамеченных опечаток, некоторые из них затрудняют понимание смысла; так, на стр. 58 „войск“ вместо „войска“, на стр. 116 „троих“ вместо „твоих“ и многие другие.

Отмеченные небрежности, несомненно, затрудняют пользование русским изданием „Истории“ Феофилакта Симокатты для людей, не имеющих возможности обратиться к подлиннику, и они тем досаднее, что в большинстве случаев их очень легко можно было бы избежать при более тщательной подготовке перевода.

Я. Любарский

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ М. Я. СЮЗЮМОВА „О ХАРАКТЕРЕ И СУЩНОСТИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ОБЩИНЫ ПО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМУ ЗАКОНУ“*

Советские византилисты достигли значительных результатов в исследовании вопросов о характере поземельных и классовых отношений в Византии после славянской колонизации. Этой проблеме уделяется значительное внимание на страницах „Византийского временника“, так как она действительно является едва ли не самой сложной из всех проблем раннего средневековья в Византии. Болгарские медиевисты пристально и с живым интересом следят за этими исследованиями, ибо они находятся в прямой связи с вопросом о генезисе феодализма на территории средневековой Болгарии.

Большой интерес вызвала у нас, в частности, появившаяся недавно статья М. Я. Сюзюмова „О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону“.

Автор настоящей заметки хотел бы проявить лишь свое отношение к некоторым вопросам, поставленным в этой статье.

I

Е. Э. Липшиц, пишет М. Я. Сюзюмов, опираясь на термин $\nu\epsilon\acute{\omega}\sigma\epsilon\iota\nu$, на данные Земледельческого закона о расчистке лесов под пахотные земли и о выжигании леса на корню перед пахотой, считает подсечное земледелие господствующим в Византии VI—VII вв.¹

Исходя из семантики некоторых терминов, М. Я. Сюзюмов предлагает переводить глагол $\nu\epsilon\acute{\omega}\sigma\epsilon\iota\nu$ (например, в статье 12) не как „распашет новь“, а как „вспашет землю, находившуюся под паром“, и не соглашается с тем, что в Земледельческом законе идет речь о распашке целины в том смысле и аспекте, в каком об этом говорит Е. Э. Липшиц².

* ВВ, X, 1956.

¹ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. — ВВ, X, 1956, стр. 28.

² Там же